

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПЕТРОВ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонотипографией) Института языка, литературы и истории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

МНОГОЛИКИЙ ПЕТРОЗАВОДСК ВИКТОРА ПУЛЬКИНА: К ПРОБЛЕМЕ ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А н н о т а ц и я . На материале прозы Виктора Пулькина рассматривается проблема локального текста литературы. Анализу подвергаются сказы, включенные в цикл «Петровская слобода» (сборник «Царские персты») и объединенные темой Петрозаводска. Исследование опирается на методику В. Н. Топорова, выделившего субстратные элементы локального текста на материале текстов о Петербурге: это природная, материально-культурная, духовно-культурная, историческая сферы. Цель работы – рассмотреть многоуровневый образ Петрозаводска на основе этих элементов, но с учетом региональной специфики материала. В основе творчества Виктора Пулькина лежит принцип историзма. Писатель опирается на многообразие источников и создает адекватную картину истории города. В то же время он обогащает исторический дискурс фольклорными мотивами, выступает не только как писатель-историк, но и как писатель-мифотворец. Виктор Пулькин активно использует образы и мотивы преданий, мифологических рассказов. В его творчестве находят отражение узнаваемые черты городского ландшафта: сады, парки, дома, улицы и т. д. Виктор Пулькин описывает физические ощущения: цвет, свет, запах; выделяет значимое время суток; фиксирует эмоциональное состояние – обычно это светлая грусть, ностальгия. Писатель создает ряд образов людей, населявших Петрозаводск и определивших его современный облик. Крайне значима петербургская инерция: Петрозаводск выступает как своего рода двойник Петербурга. Существенное сходство обнаруживается в мифе творения. Однако если «петербургский текст» включает эсхатологические ожидания, то тексты о Петрозаводске рисуют «живое» будущее; у Виктора Пулькина оно ассоциируется с живой водой. Предлагается к обсуждению понятие «петрозаводского текста» литературы, вероятно, сказы Виктора Пулькина следует рассматривать именно в этом контексте.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Виктор Пулькин, локальный текст, литература, фольклор, мифология, краеведение, Петрозаводск, Петр I

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках госзадания. Выражаю искреннюю признательность Н. Л. Шиловой, А. В. Пигину, И. И. Муллонен, Д. В. Кузьмину, П. Н. Соловьевой, Н. В. Чикиной за многочисленные и подробные консультации, дружеские советы и научно-организационную поддержку.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Петров А. М. Многоликий Петрозаводск Виктора Пулькина: к проблеме локального текста русской литературы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654

ВВЕДЕНИЕ

В современном литературоведении актуально представление о локальном тексте как сумме смыслов, мотивов, образов, составляющих многоуровневый концепт культурно-географического пространства. Известны труды о «петербургском тексте», «московском тексте», «сибирском тексте» и др. Если говорить о Карелии, то попытки смоделировать локаль-

ный текст – «кижский» – предпринимаются Н. Л. Шиловой, которая и ввела термин «кижский текст» в научный обиход [23], [24]. Существует термин «карельский текст» [14]. Настоящая статья находится в русле подобных исследований; к обсуждению предлагается проблема формирования литературного образа Петрозаводска как особого культурно-исторического пространства.

Благодатным материалом для такой работы является творчество Виктора Ивановича Пулькина, посвятившего немало страниц литературно-художественной и публицистической летописи города. Сюда относятся, в частности, сборники сказов о Петре I «Медный вершник»¹ и «Царские персты»². Ранее, насколько нам известно, эта тема на данном материале специально не изучалась. Упоминания Петрозаводска встречаются во множестве текстов, однако наиболее подробно образ города воссоздан в цикле «горстей» «Петровская слобода» (Царские персты: 141–166), который и подвергнется рассмотрению. В сборнике «Медный вершник» имеется три небольших сказа, в которых Петрозаводску уделено особое внимание: «Клады земные», «Коренник», «Не бывать...». Они привлечены нами для сопоставлений и дополнительных литературных иллюстраций.

В основе методики анализа произведений – подход, ранее предложенный В. Н. Топоровым на материале «петербургского текста» [22]. Исследователь выделил несколько ключевых параметров («субстратных элементов» [22: 28]), которые формируют сверхнасыщенную реальность [22: 7], «синтетический сверхтекст» [22: 23] Петербурга. Это **природная, материально-культурная, духовно-культурная, историческая** сферы, причем «ни одна из этих инстанций не обладает абсолютной суверенностью» [22: 28].

К элементам природной сферы относятся климатически-метеорологический и ландшафтный аспекты; материально-культурная сфера отражает описание планировки, застройки, домов, улиц и т. д. [22: 29, 30]; духовно-культурная сфера включает:

«мифы и предания, дивинации и пророчества, литературные произведения и памятники искусств, философские, религиозные и социальные идеи, фигуры петербургского периода русской истории и реальные персонажи, все варианты спиритуализации и очеловечивания города» [22: 34].

Историческая сфера синтезирует перечисленные элементы и предполагает *историософское* осмысление пространства [22: 49].

Указанные параметры используются нами в качестве базовых ориентиров, с поправкой на конкретику литературного материала и региональную специфику.

МНОГОЛИКИЙ ПЕТРОЗАВОДСК

Характерная особенность творчества Виктора Пулькина – историзм, писатель был большим знатоком местной истории, хорошо знал краеведческую литературу, опирался на исто-

рические источники. «Горсть» художественных сказов «Петровская слобода» сопровождается обширным историко-публицистическим очерком, в котором писатель делится размышлениями о судьбе Петрозаводска. Здесь названы важнейшие лица и события, которые определили и *предопределили* исторический путь и современный облик, «фактуру», культурный и природный ландшафт города. Это и множество людей, участвовавших в жизни Петрозаводска в разные эпохи, начиная с «духоподъемного» XVIII века: пахари, охотники, рыбаки, кузнецы, оружейники, сказители, металлурги, горнорабочие, углежогги, мастера художественного литья и чеканки, плотники, зодчие, молотовые работники (Царские персты: 141–144). Это, разумеется, и сам Петр I, и Екатерина I, и «сановные петрозаводчане» Александр Меншиков и Виллим Геннин.

Петровская слобода родилась в краю, где переплелись судьбы разных народов: здесь «слышался торжественный напев карельской руны. Жила протяжная вепсская песня» (Царские персты: 142–143). Писатель напоминает о тесной исторической связи Петрозаводска с Петербургом, Уралом и даже Алтайским краем. Но «главная родня нашей столицы – его ближайшая округа, крестьянское Заонежье, куда так торен путь по синему озеру летом, по белому раздолью – зимой» (Царские персты: 144).

Быстрое устройство Петровских заводов писатель связывает с исторической традицией:

«...еще задолго до петровской эпохи пылали в русских и карельских селениях Обонежья домницы, стучали молоты и тяжело дышали кузнечные мехи... Ведь издавна существовала на Севере традиция обращения с металлом» (Царские персты: 142).

Видимо, неслучайно и в карельском эпосе столь большую роль играет образ мифического кузнеца, выковавшего небо, выступавшего «крышку воздушную» [11: 55].

Виктор Пулькин далек от идеализации прошлого и настоящего. Карелия – это «край тяжелого труда в условиях суровой природы» (Царские персты: 142). Писатель упоминает Шарля Лонсевиля – вымышленного персонажа повести К. Паустовского. В этой повести Петрозаводск осмыслен как часть губительного природного, духовного и социального климата, как место трагического исхода человеческой судьбы. Этим историческим экскурсом Виктор Пулькин подготавливает читателей к восприятию последующих художественных миниатюр. Писатель напоминает, что, какой бы ни была интонация его сказов – шутилой, балагурной или с оттенком

светлой грусти, в их основе лежат строгие факты; у города имеется своя история, и благородная, и трагичная, которая еще далеко не завершена. Летопись Петрозаводска писатель отсчитывает от персонажей местных фольклорных преданий:

«Где ныне Петрозаводск вознесся, стояла только мельница с избой. Жил мельник Трофим, руса борода. Родом, говорят, из села Деревянного» (Медный вершник: 95); «Еще знают памятливые мои земляки, что, уздав силу воды, построил чернородый насельник этого места, пришедший из недалекого русского села Деревянного, водяную мельницу... А дед-мельник-мирошник слыл еще и сказочником. Знался, само собой, с водяными. Без этого мельнику нельзя, всякий знает» (Царские персты: 142).

Историзм пропитывается мифологичностью: мельник-мирошник «знается с водяными». Такая интерпретация появилась не без влияния быличек:

«Согласно поверью, водяной покровительствовал, и то в исключительных случаях, лишь рыбакам, пчеловодам и мельникам. Недаром о последних ходили слухи, что они колдуны и знают с нечистой силой» [20: 50–51].

Мельник в фольклоре и народных верованиях «неизменно наделяется магическими способностями: это медиатор между мирами» [7: 349].

В преданиях об основании Петрозаводска данный мотив не обнаружен³. В этом проявилась мифологизирующая тенденция сказов писателя. Но Виктор Пулькин остается верен и принципу историзма: он насыщает повествование маркерами достоверности – *антропонимами* и *топонимами*. Размытые за далью времен фигуры приобретают конкретные очертания:

«Самые первые петрозаводчане, поди, Трофимушку застали. Того, родом из села Деревянного. Срубил он себе, говорят, избенку немудрящую, еловую: сердцем маялся, елка в помощь. У кого изба елова, у того сердце здорово. А водяную мельницу в устье Лососинки заонежане Беканины из Волкострова помогли поставить. Те мастера настоящие. Хоть по ветряным, хоть по водяным мельницам. Их работы шестикрылка-столбовка в Кижях стоит, ее сработал Беканин ноне, перед колхозами» (Царские персты: 152).

Источник имени Трофим обнаружить не удалось; нет сведений и о том, что легендарный мельник «маялся сердцем». Возможно, эти детали были сочинены в ходе литературной обработки фольклорного предания. Плотники династии Беканиных из Волкострова – персонажи сборника сказов о древодельцах «Чаша мастера»⁴. В сказе «Диво без гвоздей» (Чаша мастера: 112–114) Петр I, приехавший на о. Кижь, собственноручно чертит план ветряной мельницы, чтобы научить кижан, знающих только во-

дяную мельницу, «ветровой силой зерно молоть» (Чаша мастера: 113).

«Первой мастер был в Заонежье – Беканин. Да и последний тоже ихнего роду. Перед самыми колхозами та волкостровская мельница была срублена, што ныне на острове Кижь стоит, восьмикрыла» (Чаша мастера: 113).

У персонажей есть прототип – крестьянин Н. А. Беканин (1880–1958), который действительно построил ветряную мельницу, ныне составляющую часть музейной экспозиции на о. Кижь. Так Виктор Пулькин, с опорой на реальные имена и события, конструирует «биографию» Петрозаводска, творит своего рода миф о Петрозаводске и его истоках. Отсчет истории города писатель ведет даже не с основания Петровского завода, а с *насаждения сада*, которое приписывается Петру I (место, где находится бывший Парк культуры и отдыха, сейчас Государев сад) [12: 13]. Об этом саде (*березовой роще*) бегло упоминает еще Н. Я. Озерецковский, посетивший эти места в 1785 году:

«Наместнический дом есть ветхое деревянное здание, лежащее возле соборной церкви у березовой рощи, насажденной государем Петром I при дворце, для пребывания его на Петровских заводах построенном»⁵.

Березовая роща фигурирует в плане-чертеже слободы (1717–1720-е годы), выполненном краеведом Т. В. Баландиным в 1810 году [12: 12–13]. На сведения о дворце Петра и березовой роще – «летнем саде» – ссылаются А. М. Пашков и С. Н. Филимончик [17: 12]. При этом Петр «в одно из своих первых посещений Петровских Заводов» действительно «положил начало благоустройству слободы, посадив вокруг дворца первые деревья будущей Березовой рощи» [12: 13]. Виктор Пулькин описывает насаждение сада Петром в фольклорной манере, использует мотив *совершения чуда* – знамения, символа того, что начинание будет успешным. При этом береза заменяется *сосной*:

«Выврал, сказывают, молоденькую, с оглоблю толщиной, сосенку. В землю вершиной ее торнул. – Сосна приживется – и дело наше на Онеге-озере удастся... А сосна-то? Сосна прижилась. Вкруг нее Петр сад насадил» (Медный вершник: 96–97).

Позже Виктор Пулькин вернется к этой идее, но даст мотиву рациональное толкование:

«Наткнулся на известие: посадка сосны кроной вниз, вверх корнями – принятый у садоводов Голландии XVIII века прием. Может быть, любознательный Петр действительно опробовал подсмотренную за морем новинку у нас в саду?» (Царские персты: 156).

Образ сосны писатель позаимствовал из фольклорного предания «Маковка из корней», в котором фигурирует именно молодая *сосна* «в толщину оглобли, в рост человека»⁶, что соответствует севернорусским, карельским и вепским верованиям [9: 49]. Петр вырывает ее и сажает «в землю торчмя головою, вверх корнем» (Северные предания: 133). Смысловое ядро этого фольклорного текста – формула «Коли сосна приживется, дело удастся!» (Северные предания: 133). По мнению Н. А. Криничной,

«образ дерева, выдернутого из земли, заново посаженного (вниз макушкой, вверх корнем) и прижившегося, является символом петровских преобразований. Отсутствие подобного образа в традиции заставляет предположить индивидуальное начало в этом произведении» (Северные предания: 191).

Однако такой образ в фольклорной традиции Карелии все же зафиксирован – пусть и не в русских преданиях, а в карельских эпических песнях: «Тот дуб на реке вырос, / Вверх комлем, вниз вершиной» [11: 87]. В мифологиях народов мира этот образ действительно редок [4]; имеется множество интерпретаций перевернутого дерева, вплоть до мирового древа, однако в прозе Виктора Пулькина они не прослеживаются. Но в связи с петрозаводским садом все же возникает любопытная смысловая параллель: «Сад – это подобие Вселенной, книга, по которой можно прочесть Вселенную... Высшее значение сада – рай, Эдем» [13: 24]. Одним из первых такое толкование предложил еще Фрэнсис Бэкон в эссе «О садах» (1625): «Всемогущий Бог первым насадил сад» [13: 24]. Думается, не случайно Виктор Пулькин особое внимание уделяет именно сюжету о высаживании Петром сада: сад – это место зарождения жизни, место, с которого начинается история города. Следуя за фольклорным преданием, писатель сдвигает хронологию событий: вопреки историческим данным – Петр впервые побывал на заводе в 1719 году [19: 18] – Виктор Пулькин относит появление сада ко времени, *предшествующему* строительству завода. Петр сам благоустраивает сад: вместе с солдатом и мельником копает пруд (Царские персты: 161), прячет в саду клад («деньги серебряные, червонцы золотые»), причем клад этот «заговоренный», его не сыскать – «не дается» (Царские персты: 161). Источником для этого мотива послужили предания о «зачарованных кладах» [9: 109]. Здесь напрашиваются ассоциации с мифом об основании Петербурга: Петр предстает в этом мифе преобразователем пустынной земли, демиургом, творцом жизни: он, взяв заступ, первым копает ров, а в это время над ним

парит орел [21: 6–7], [22: 22–23]. «С этим мифом своими корнями связан миф о “Медном всаднике”, оформленный в знаменитой поэме Пушкина» [22: 22]. Функция мага и культурного героя выделена в фольклорном образе Петра на материале петрозаводских преданий⁷. Едва ли случайны совпадающие образы глухого, далекого места, которое предстоит преобразовать Петру, в «Медном всаднике», сказах Виктора Пулькина и северных преданиях:

1) «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел. / Пред ним широко / Река неслася; бедный челн / По ней стремился одиноко. / По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца; / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел» (Медный всадник).

2) «Зачиналась же слобода, как и большинство северных селений, починком: малой избушкой при устье богатой рыбой реки. У нас такие уголья поныне называют “тонями”» (Царские персты: 142).

3) «До Петровской эпохи на месте Петрозаводска была только одинокая изба с мельницей на речке Неглинке⁸, представлявшей горный ручей. Но дикая местность представляла грандиозный вид первобытной, нетронутой природы. Богатая дарами природы, но бедная жизнью и трудом, Карелия столетиями находилась как во сне, ожидая пробужденья» (Предания: 28).

Особую роль в мифе творения играют водные объекты: «вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса» [1]. По воле демиурга – Петра – хаос преобразуется в космос. Города зарождаются у реки, для Петрозаводска в связи с этим важны фольклорные и художественные образы рек *Лососинки* и *Неглинки*. Жизненно необходимый объект – это и *Онежское озеро*, упоминания о котором часто встречаются в прозе Виктора Пулькина.

Заметим, что название сборника сказов – «Медный вершник» – отсылает к образу «Медного всадника», тем самым насыщая «петрозаводский текст» «петербургскими» аллюзиями и реминисценциями. Петрозаводск – своего рода двойник Петербурга, чему способствует и один год основания – 1703. Ср.: «Сам он, сам и Питер строил. И наш Петрозаводск» (Царские персты: 147).

Сад, насаженный Петром, одушевлен, он рассказывает, говорит («Сказки Осударева сада»). Представления о дереве как живом существе коренятся в мифологии [5]; эти сведения были, безусловно, известны Виктору Пулькину:

«Вздыхнешь не единожды, вспоминая возраст. С печалью, да и с радостью. Поживи с мое! Тысячелетие истаяло. То самое, в котором жили Ярослав Мудрый и Сергей Радонежский. Петр Великий и Александр Пушкин.

Юрий Гагарин и Николай Рубцов. Одного тысячелетия люди» (Царские персты: 157).

История Петрозаводска вписывается в контекст российской истории, город обретает собственное место среди людей и событий крупного, эпохального масштаба. Упоминается и Г. Р. Державин:

«Здесь проводил краткие часы вдохновения первый губернатор Олонии, великий Гаврила Державин, окликающая молоденькую португалку, свою жену, ласковым прозвищем Пленира» (Царские персты: 151).

Тема Петрозаводска развивается в связи с темой Петербурга; петрозаводский сад немного ворчит, сетуя на свою долю:

«Хорошохоныко саду в Санкт-Петербурге, Летнему! В холе живет. Ограду отлили самолучшую петрозаводские мастера. А я на озерном берегу наг сижу» (Царские персты: 157).

Проводится настойчивая параллель:

«В нашем прибрежном саду, в старину называемом, на манер знаменитого питерского, Летним, побывали, посещая наши палестины, члены августейшей фамилии» (Царские персты: 151).

Однако садово-парковое искусство – далеко не единственное, что формирует топографию сказов Виктора Пулькина. Не менее важны и другие архитектурные сооружения сада и его окрестностей. Это, во-первых, *Петропавловская новоманерная церковь* –

«восьмигранный, пятирусный храм святых первых христовых апостолов Петра и Павла» (Царские персты: 152). «Пречудная была церковь! Увенчана не шатром, не луковкой. Завершена на новый манер, долгим шпилем. На самом верху загорался по вечерам фонарь» (Царские персты: 152).

Эта церковь, сгоревшая в октябре 1924 года⁹ [12: 15], [17: 12], [18: 400], была воздвигнута в 1704–1705 годах [17: 12]. На ее вершине действительно «горел фонарь, служивший ориентиром для идущих по Онего судов» [12: 14]; «храм имел характерную для петровской эпохи переходную архитектурную форму между древнерусским и европейским зодчеством» [17: 12] – в этом и заключается ее «новоманерность» [12: 14–15], или, по Виктору Пулькину, «новый манер». Для писателя вновь оказывается чрезвычайно значимой историческая связь Петрозаводска с Петербургом, Петрозаводск описывается как отражение Петербурга, его архитектурная реплика:

«...недаром первая церковь в Петрозаводске соименна великому и славному собору в Петропавловской крепости в Петербурге. Тому, что красуется знаменитым шпилем с золотым ангелом. Осударев сад в Петровской

слободе и крепостью поначалу бывал, как твердыня в Питере» (Царские персты: 153).

Во-вторых, это *походная церковь Петра I*, часть архитектурного ансамбля Осударева сада. Ее упоминает еще Т. В. Баландин, указавший, что эта церковь была сооружена чуть ранее, чем Петропавловская: «...быть походной церкви, с назначением под оную места, поколь не построится Петропавловская церковь»¹⁰.

Историю походной церкви Виктор Пулькин возводит к мифическому серому камню, на котором мельник Трофим готовил уху для мореходов:

«Приладилса костерок палить на великом сером камени. Он у него и зимой тепел. Как на печке ночевать можно... Поставили на этом валуне солдаты брезентовый шатер – походную церковь Петра Великого... Петр велел этот серый валун обтесать. Поставить под престол в походной церкви, брезентового шатра» (Царские персты: 152, 153).

В разработке этого образа писатель следует фольклорной традиции. Согласно материалам мифологических рассказов, камень часто ассоциируется с печью [6: 87]. В разных народных традициях особо почитался *серый камень* [8: 449]; в произведениях апокрифической литературы, духовных стихах, заговорах фигурирует камень *Алатырь*, этимологически восходящий к слову «алтарь» [8: 448]. На этом камне основано учение Христа, он служит основанием соборной, апостольской церкви [8: 449]. В сущности, серый Трофимов камень является модификацией такого Алатыря. Этот же камень, как повествуется в сказе, позднее из походной церкви был перенесен в алтарь Петропавловской (Царские персты: 153).

В современном Петрозаводске камень, послуживший когда-то алтарем походной церкви Петра, находится в Государевом саду, на нем располагается бронзовая скульптура девушки. Виктор Пулькин пишет: «От того серого камня, почитай, весь Петрозаводск заваялся» (Царские персты: 152). Здесь писатель, по-видимому, отсылает к греческой этимологии слова «камень», выстраивая оригинальный образный ряд: Петрозаводск – это не только «Петровские Заводы», но и «город, основанный на камне» (Петр – камень). Вероятно, образ церкви, поставленной на сером валуне, был известен Виктору Пулькину и из других материалов. Например, в этот же типологический ряд сакральных объектов можно включить Церковь Сретения Господня (сгорела в 1790-х годах [18: 400], сейчас на ее месте стоит Церковь во имя Сретения Господня, район Соломенное): «Салма сия достойна примечания по красивой каменной

церкви на южно-восточной стороне оной стоящей, которая сооружена на одном диком камне в 1781 году рачением купца Кононова» (Озерецковский: 122). Церкви, сооруженные у камней, были, без сомнения, знакомы Виктору Пулькину и по фольклорным преданиям [9: 49].

В-третьих, это *путевой дворец Петра*. Ныне не сохранившийся (был разобран в 1773 году), этот дворец фигурирует во многих исторических источниках, имеется изображение его фасада, «многократно воспроизводившееся в краеведческой литературе» [3: 88–89], см. также рисунок Т. В. Баландина с подписью «Вид существовавшего, и уничтожившегося на Петровских Заводах дворца. Се достойный быть всегда памяти знак; Сиял, померк и уничтожился аки знак»¹¹ и подробное описание¹². Образ этого дворца воспроизведен и в сказах Виктора Пулькина. Однако историческая основа обработана в присущем писателю юмористическом ключе. Виктор Пулькин повествует о житие Петра I, Екатерины I и домового, привезенного из деревни Ялгуба (Царские персты: 158) и поселившегося в путевом дворце. Образы Петра и его супруги (Екатерина I, по историческим свидетельствам, действительно бывала в Петрозаводске проездом в Марциальные воды¹³) предстают в сниженном, обытовленном виде. Их описание мало напоминает о царской семье: муж (Петр) работает на заводе, жена (Катя) варит щи и кашу:

«Петр с работы прибежит. С завода возвратится. Сам в саже, как запечельный дух. Ковш воды студеной изопьет. С другого на головушку сплеснет. Рубаху прогорелую скинет. Еще воды выпьет. Катя ему на руки сливает, пошучивает:

– И чем вас там, на заводе, употчевали? Не отопьешься никак!

– Тебя бы туда, сорока! – Петр за стол валится и ложку берет» (Царские персты: 159).

Еще один обитатель петрозаводского дворца – ялгубский домовый. Виктор Пулькин не жалеет для него красок; образ получился очень яркий. В основе – фольклорная традиция, писатель вдохновлялся все теми же мифологическими рассказами. Чтобы «хозяйке в хоромишках» было «не одиноко, не скушно» (Царские персты: 158), чтобы путевой дворец наполнился уютом, Петру дают совет привезти домового из какого-нибудь заброшенного, разоренного дома, благо «это у нас сколь хочешь» (Царские персты: 158), как не без горькой иронии замечает Виктор Пулькин, причем эти слова вложены в уста самого Петра. Такая изба находится в Ялгубе: по канонам мифологических рассказов, домовый живет «в холодном запечье» (Царские персты: 158). Ср.

с материалами быличек: «Представления о локализации домового довольно часто связаны с печью – семейным очагом и прилегающим пространством» [8: 140]. В сказе Виктора Пулькина невидимого домового

«взяли с береженьем. Положили с приговором в берестяный лапоть-верзень:

– Хозяинушко-доможирушко! Невидимый-неслышимый! Подь-ко с нами, на новое жилье, за теплую печку. Век тебе обиды не будет!» (Царские персты: 158).

Это также соответствует традиционным мотивам русской мифологии:

«...при переезде в новый дом бросают в печь лапоть и кричат: “Домовой, выходи!” Затем лапоть заворачивают в полотенце и приносят в новое жилище» [8: 140].

В изображении Виктора Пулькина домовый имеет некоторые кошачьи черты, что также находит опору в фольклоре [8: 126]. Писатель бережно обходится с фольклорными источниками, наполняя при этом сказ юмористическими нотками; с домовым сначала обращаются как с котенком:

«Привезли в Осударев сад. Внесли бережно во дворец. За изразцову теплу печь положили. Истопили фатерку. Мало времени прошло, из-за печки явственно: “Хи-хи!” Занравилось, похоже, доможиру у нас. Софрон молока в плошку наливать ладит. Петр осерчал:

– Котишко он, что ли! Мужик, хозяин! И надо чарку водки!» (Царские персты: 158).

Обжившийся домовый тем не менее все больше напоминает кошку:

«Нет-нет, да и тронет он царицу за босу ногу шерстатой лапой. Коготком цопнет, как балованный котик... Доможир поест. Облизнется, потрется у хозяйских ног» (Царские персты: 159).

Судьба домового печальна. Виктор Пулькин резко переносит повествование в современность (начало XXI века), и сказ наполняется грустными интонациями. Писатель рисует гротескно-сниженный образ домового, лишает его былого мифологического обаяния. Он прибегает к нехарактерному для него грубоватому, «народному» юмору, незатейливому каламбуру, основанному на прозрачной, недвусмысленной звуковой параллели («сидят в шопе»); фиксирует плачевное состояние парка, равнодушные населяющих город людей:

«Привезенный с Ялгубы домовый и теперь в саду живет. Худое ему быванье. Дворца нет лет двести. Садовые аллеи в запустенье. День деньской музыка орет, хоть подавай голос, хоть нет. Карусели каруселят. Никакого покою старому хороможителю. Не домовый – бомж. Бутылки обирает по кустышкам. Сдаст тем, которые сидят в срамном месте. В шопе, прости Господи. Тем и кормится» (Царские персты: 161).

Утрата людьми исторической памяти, их отказ от собственного прошлого более всего тревожат писателя, повествование наполняется настроением некоторой безысходности:

«Недавно... выпивши, осударев доможир безвинную березку тряс, матерно выражался: “Смените, – ревел, – несправедное название – Городской парк культуры и отдыха! Может, жизнь веселее станет. Возврутятся чудеса и сказки первоначального Петрозаводска”» (Царские персты: 161).

Тоска по старому Петрозаводску проступает в сказе «Аз есмь...» (Царские персты: 163–166). Сказ основан на беседах Виктора Пулькина с известным художником Василием Михайловичем Агаповым. Библейское клише «Аз есмь...», по-видимому, необходимо Виктору Пулькину для усиления ставших важными для него в 1990–2000-е годы православных мотивов: это и жизнеописание отдельного, конкретного человека («это я»), и само бытие, сама *идея жизни* («я есть, я существую» как экзистенциальная формула); но это и жизнь в присутствии Бога.

Повествование старожилы проникнуто но-стальгией:

«Кажется, в не столь давние времена на теперешней улице Луначарского росла сладкая ягода куманика, а в пышной бузине был приют наяд и дриад. А на Куковку, названную так, потому что исконно слышался оттуда, с лесистой горы, печальный зов кукушек-куковок, – по грибы и чернику ходили во темен бор. А теперь даже и на Древлянке – железобетонные гаражи. Старый город меняет облик» (Царские персты: 164).

Современный Петрозаводск ассоциируется с потерей родного, «отцовского» дома:

«Перезезжая в современную квартиру, прощаться с родительским домом буду в смятении, со слезами» (Царские персты: 164).

В сказе предлагается любопытная этимология названия микрорайона Куковка: от слова «ку-кушка-куковка»:

«Форма названия птицы – куковка – сохранилась во многих славянских языках: польском, чешском, в лужицких и северно-русских диалектах. В советское время топоним Куковка по непонятным причинам стал писаться с удвоенным “к” (Кукковка)» (Царские персты: 164).

Народная молва приписывает слову *Куковка* происхождение от *kukko* ‘петух’ (приб.-фин.). Эта этимология широко распространена среди жителей Петрозаводска, отсюда скульптура «Куковский петух» работы Вальтера Сойни [2: 264]. Иногда название района возводится к термину «куколь» – монашеский головной убор – в связи с тем, что некогда на Куковой горе стояла де-

ревянная часовня во имя Воздвиженья Честного и Животворящего креста Господня [2: 265]. На самом деле в основе лежит приб.-фин. географический термин *kukku* (вепс. *kuk*) ‘горка, возвышенность’, что подтверждается ландшафтной характеристикой места¹⁴. Сама топооснова широко известна в топонимии Карелии [15], [16].

В литературном сказе строгая научная этимология уходит на второй план, и тому есть причина: для героя намного важнее воспоминания *собственного* детства, звуки, запахи – все, что связано с теплым родительским домом. Это его личное духовное пространство, *его* жизнь-бытие, *его* собственный образ места, мира, не обязательно совпадающий с действительностью.

В то же время Петрозаводск Виктора Пулькина – очень осязаемый, пластичный город, он имеет знакомые всем горожанам *реальные* очертания. По текстам рассыпаны упоминания улиц, проспектов, районов, парков, хотя смысловым центром города для писателя становится исторический район: *Парк культуры и отдыха* и территориально близкие к нему *ул. Казарменская, ул. Луначарского, Ямка*, территория бывшего *Онежского тракторного завода* – преемника «славы Петровского, Александровского оружейных заводов» (Царские персты: 142):

«Ведь и поныне они Колпаковы пишутся! Слышал, может? На *Октябрьском проспекте* живут, в Петрозаводске» (Медный вершник: 118); «Зато теперь живу девятый десяток лет. И все здесь, на *улице Казарменской*, в дедовском доме» (Медный вершник: 137); «Теперь этот берег слывет – *Парк культуры и отдыха*» (Медный вершник: 97) и т. д.

Любопытно, что в сказах Виктора Пулькина «советские» названия улиц вполне уживаются с общей ориентацией на XVIII век, Петровскую эпоху, время зарождения «предбудущего» Петрозаводска. Осударев сад находится вблизи улицы Луначарского или набережной Гюллинга – и в этом для писателя, насколько можно судить по текстам, нет противоречия. Мы уже упоминали о том, как «ялгубский домовый» возмущается несправедным названием – «Парк культуры и отдыха». Но острого конфликта между «старым» и «новым» нет, хотя чувство утраты старого города и исторических традиций, безусловно, имеется.

Писатель вводит в сказы тему *памяти* и постоянно возвращается к ней: «Города не стенами стоят. Памятью...» (Царские персты: 166). Память об истории Петрозаводска – это и память о людях, некогда населявших слободу. Одному из жителей писатель уделяет особое внима-

ние. Это блаженный юродивый старец Фаддей, современник Петра Великого, местночтимый святой, канонизированный в 2000 году. Виктор Пулькин излагает сюжет о Фаддее в сказе «Аз есмь...» (Царские персты: 164–166). История Фаддея нашла отражение в фольклорных преданиях о Петре Великом и Фаддее Блаженном (Северные предания: 137; Предания: 218–219). Виктор Пулькин использует один из фольклорных сюжетов: это предсказание Фаддеем скорой смерти Петра (Северные предания: 137). Предания о Фаддее бытовали в Петрозаводске и в устной, и в письменной традиции. Насколько нам известно, первые фиксации устного предания относятся к 20-м годам XIX века, их выполнил Ф. Н. Глинка (Предания: 276). Как указывает Н. А. Криничная, мотив предсказания будущего известен начальной русской летописи – рассказ о смерти князя Олега (Северные предания: 191–192); «сюжетами, содержащими названный мотив, изобилует уже античная мифология... Этот же мотив присутствует и в древнейших библейских сказаниях» [9: 217]. На систему образов и мотивов местного фольклорного предания в значительной мере повлияла топка русской агиографии (Предания: 276). В основе предания лежит действительный факт знакомства Фаддея с Петром. Сюжет о пророчестве Фаддея впервые (в 1814 году) изложил Т. В. Баландин в историко-краеведческом сочинении «Петрозаводские северные вечерние беседы» [10: 8]. В этом же году Т. В. Баландин написал отдельную «Повесть о достоивном и блаженном Фаддее», а в 1818-м – ее расширенную переработку¹⁵. Он ориентировался на некие «устные рассказы» [10: 8–9], однако, что это за рассказы, можно только гадать. Достоверных сведений о более раннем бытовании в местном фольклоре предания о пророчестве Фаддея нет. Что касается проблемы историзма этого сюжета, то, как верно замечают П. А. Кротов, А. М. Пашков и А. В. Пигин, мотивы «Повести о Фаддее» Т. В. Баландина, включая мотив пророчества, «невозможно принимать за подлинные исторические факты» [10: 10].

Так, собирая воедино сказания об «изначальных насельниках» места, Виктор Пулькин творит собственную историю города, наполняет городское пространство жизнью, значением, исторической пульсацией. В судьбу Петрозаводска вплетается судьба каждого из его жителей, выстраивается вереница судеб, объединенных общей культурной памятью.

Наконец, образ Петрозаводска складывается из массы прочих – чисто физических – деталей и ощущений: звука, цвета, света, запаха и т. д.

Писатель указывает на характерные для петрозаводского ландшафта породы деревьев:

«Звонко раздается звук шагов в нашем тихом городе на утренней заре. Слышно даже погремывание спичек в коробке, лежащем в кармане пиджака. Чуть зарозовели вершины тополей, берез. Пробудились, гомоня, первые птицы утра. Миг – и свет лег на лицо. Новый день вступил в столицу» (Царские персты: 141).

«Поднялись со временем аллеи. Выросли стайками ели, сосны. Из Кижей привезли саженцы ильмов... Черемушки молодые, вербочки да рябинки понабежали из ближних перелесниц. На крылышках семечками перелетели. Обжили Осударев сад. Гуляет по кронам высоких, столетия переживших деревьев удалой онежский ветер. Пошумливает молодая листва. Будит память о быллом. Слышу ропот Осударева сада, проходя по аллее ласковым перелетом» (Царские персты: 156–157).

Для Виктора Пулькина северный Петрозаводск – город тепла, света, солнца, он уютен. Город предстает легким, воздушным, ласковым. Это своего рода Эдем – сад вечного лета. Характерный штрих – «тополиный пух на онежском ветру» (Царские персты: 164). Зимнее время – скорее исключение из правила: «Ехал Петр под Новый год на свой осударев завод» (Царские персты: 147).

Имеется и параллель с Петербургом:

«Впервые приехал Осударь на Онего в молодых летах. Белые ночи стояли. Черемуха цвела. Петру торопко, дико:

– День со днем сомываются. Ноченьки-то матушки вовсе нет! Как может стать?» (Царские персты: 145).

Белые ночи в Петрозаводске не могут удивить петрозаводчан – настолько естественно, привычно для них это летнее явление. Однако в русской культуре именно Петербург, а не Петрозаводск ассоциируется с белыми ночами. Это один из символов северной столицы, ее туристический бренд и знак «петербургского текста» [22: 29]. Но и в этом контексте Петрозаводск и Петербург выступают в качестве двойников, Виктор Пулькин неустанно подчеркивает географическую и культурную близость городов.

Петрозаводск будит в писателе чувство «светлой грусти»:

«В городской сад, уступами спускающийся к приплеску онежских вод, прихожу в минуты светлые и грустные. С этим уголком города у каждого из петрозаводчан связаны давние и ближние воспоминания. Под этими липами, тополями кружились на каруселях первоначального детства и мои сыновья» (Царские персты: 150).

Бережно и тонко вплетается в повествование «семейная» тематика. Сказ приобретает черты исповедальности. Виктор Пулькин прибегает к символу *кружащейся карусели*. Эта карусель вполне реальна: в нынешнем Государевом саду

находится Парк аттракционов. Но кружение карусели – это и неостановимый бег времени, неизбежное расставание с прошлым. Карусель можно уподобить колесу: в фольклорной традиции этот образ «символизирует человеческое бытие и судьбу» [7: 349]. В этот же символический ряд включаются крылья мельницы, стоявшей на месте зарождения Петрозаводска.

Писатель пытается заглянуть в будущее: «Поглядеть бы, каким Петрозаводск станет в свои триста лет! Живой бы воды испить, живучим корешком закусить» (Царские персты: 166). В художественном мире Виктора Пулькина судьба Петрозаводска представляется светлой, живой. В этом творимый писателем миф о городе расходится с мифом «петербургского текста», содержащим *эсхатологический* элемент – гибель Петербурга [22: 23]. Петрозаводск Виктора Пулькина имеет множество ликов, но он не являет себя в эсхатологии. Нить жизни города тянется все дальше и дальше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все сказанное позволяет сформулировать проблему «петрозаводского текста» русской словесности – пока что в качестве гипотезы. Не вполне

ясно, имеется ли развитая литературная традиция, репрезентирующая образ Петрозаводска. Судя по данным библиографических указателей¹⁶, определенный корпус текстов существует. Кроме того, к настоящему моменту уже опубликованы исследования, выполненные на материале художественных произведений, содержащих литературный портрет города [25], [26]. Сам термин «петрозаводский текст» ранее уже был использован литературоведом Н. Л. Шиловой [25].

Если правомерен вопрос о «петрозаводском тексте», то его истоки, по-видимому, следует искать в сочинениях краеведа Т. В. Баландина: первый «петрозаводский текст» русской литературы – это, скорее всего, стихи, посвященные Г. Р. Державину и датированные 1 января 1786 года: «Ода» и «Поэма граду Петрозаводску на щастливое состояние жителей»¹⁷. При этом не до конца понятно, что представляет собой «петрозаводский текст»: это самостоятельная эстетическая система или часть «карельского текста»? Нужно ли его рассматривать в контексте литературы на прибалтийско-финских языках? Относятся ли к нему публицистика и научные труды? Все это требует дополнительных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Криничная Н. А., Пулькин В. И. Медный вершник. Сказы о Петре Первом. Петрозаводск: Карелия, 1988. 160 с. Далее в круглых скобках будет указано: Медный вершник и через двоеточие страницы.
- ² Пулькин В. И. Царские персты. Сказы о Петре Великом. Петрозаводск: Периодика, 2002. 176 с. Далее в круглых скобках будет указано: Царские персты и через двоеточие страницы.
- ³ Криничная Н. А. Предания Русского Севера / Отв. ред. Ю. И. Юдин. СПб.: Наука, 1991. С. 27–28; Северные предания (Беломорско-Обонежский регион) / Изд. подгот. Н. А. Криничная; Отв. ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1978. С. 134.
- ⁴ Пулькин В. И. Чаша мастера: Сказы о древодельцах. Петрозаводск: Карелия, 1990. 142 с. Далее в круглых скобках будет указано: Чаша мастера и через двоеточие страницы.
- ⁵ Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 118. Далее в круглых скобках будет указано: Озерецковский и через двоеточие страницы.
- ⁶ Северные предания (Беломорско-Обонежский регион)... С. 133. Далее в круглых скобках будет указано: Северные предания и через двоеточие страницы.
- ⁷ Криничная Н. А. Предания Русского Севера... С. 225. Далее в круглых скобках будет указано: Предания и через двоеточие страницы.
- ⁸ Обычно в этом сюжете фигурирует р. Лососинка.
- ⁹ Виктор Пулькин называет другую дату – 1923 год (Царские персты: 153).
- ¹⁰ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма / Сост. и отв. ред. А. В. Пигин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 64. Виктор Пулькин указывает, что Петропавловская церковь была построена «через десяток лет» (Царские персты: 152) после походной. Едва ли это возможно, учитывая дату постройки Петропавловской церкви: 1704–1705 годы. Вероятно, походная церковь была построена буквально за год до Петропавловской, в 1703 году. Скорее всего, писатель ориентировался на другие исторические источники: в краеведческой литературе действительно иногда фигурирует 1713 год как год, к которому была построена Петропавловская новоманерная церковь [12: 14]. В этом случае разница между датами – 1703 и 1713 – составляет те самые десять лет.
- ¹¹ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 153.
- ¹² Там же. С. 151–159.
- ¹³ Там же. С. 165.

- ¹⁴ Муллонен И. И. История Петрозаводска в географических названиях // Север. 2003. № 5–6. С. 170–174.
- ¹⁵ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 138–150, 306–307.
- ¹⁶ Карелия в художественной литературе: Указатель литературы / Сост. С. Н. Исакова. Петрозаводск: Государственная публичная библиотека, 1981. 84 с.; Петрозаводск: Библиографический указатель литературы / Сост. Л. А. Бурмистрова, М. Ю. Ванчурова, Г. И. Волкова, Т. Н. Вотякова, Т. В. Осипова, М. К. Сакалаускене. Петрозаводск: Национальная библиотека Республики Карелия, 2003. 164 с.
- ¹⁷ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы»... С. 218–224.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 240.
2. Верхоглядов В. Н. Петрозаводск Валерия Верхоглядова: Записки краеведа. Петрозаводск: Острова, 2020. 320 с.
3. Жульников А. М., Спиридонов А. М. Древности Петрозаводска. Петрозаводск: Скандинавия, 2003. 132 с.
4. Кагаров Е. Г. Мифологический образ дерева, растущего корнями вверх // Доклады АН СССР. Серия В. 1928. № 15. С. 331–335.
5. Криничная Н. А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра РАН. 2010. № 4. С. 77–85.
6. Криничная Н. А. Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бивальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2011. 632 с.
7. Криничная Н. А. Мифология воды и водоемов. Былички, бивальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. 390 с.
8. Криничная Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. 1008 с.
9. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л.: Наука, 1987. 228 с.
10. Кротов П. А., Пашков А. М., Пигин А. В. Петр Великий и Фаддей Блаженный: из истории первых лет существования Петрозаводска // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 1 (154). С. 7–12.
11. Кундозерова М. В. Концепт мироздания в карельских рунах. Петрозаводск: Кундозерова М. В., 2020. 232 с.
12. Лантратова А. С., Ициксон Е. Е., Марковская Е. Ф., Куспак Н. В. Сады и парки в истории Петрозаводска. Петрозаводск: ПетроПресс, 2003. 160 с.
13. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М.: Согласие: ОАО «Типография «Новости»», 1998. 356 с.
14. Маркова Е. И. Карельский текст как предмет изучения // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего: Материалы международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 385–390.
15. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 154 с.
16. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 240 с.
17. Пашков А. М., Филимончик С. Н. Петрозаводск. СПб.: Звезда Петербурга, 2001. 127 с.
18. Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В трех книгах. Кн. 1. 1703–1802 / Сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск: Карелия, 2001. 416 с.
19. Петрозаводск: Хроника трех столетий. 1702–2003 / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, М. А. Мишенева, Ю. А. Савватеева. Петрозаводск: Периодика, 2002. 512 с.
20. Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.
21. Столпянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. Петроград: Издательское товарищество «Колос», 1918. 376 с.
22. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство–СПб, 2003. 616 с.
23. Шилова Н. Л. Кижский текст в русской литературе // Анциферов Н. П. Филология прошлого и будущего: Материалы международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 391–395.
24. Шилова Н. Л. Остров Киж и русская литература: Монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 144 с. Электронное издание. 1 электрон. опт. диск.

25. Шилова Н. Л. Паустовский и Пришвин минус завод: краткий конспект литературной биографии Петрозаводска // Горький Медиа. 25 августа 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gorky.media/autor/shilova/> (дата обращения 17.03.2021).
26. Шилова Н. Л. Станция Петрозаводск: образ города в кижских сюжетах русской прозы // Краеведческие чтения: Материалы X научной конференции (11–12 февраля 2016 г.). Петрозаводск, 2016. С. 212–216 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/7533.pdf> (дата обращения 17.03.2021).

Поступила в редакцию 01.03.2021; принята к публикации 28.06.2021

Original article

Alexander M. Petrov, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5095-4254; hermitage2005@yandex.ru

DIVERSE PETROZAVODSK OF VIKTOR PUL'KIN: THE ISSUE OF LOCAL TEXT IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The article discusses the issue of so-called “local text” in literature using the materials of Viktor Pul’kin’s prose, in particular stories included in his literary cycle “Petrovskaya Sloboda” (from the book *The Tsar’s Fingers*) and centered around a common theme – the city of Petrozavodsk. The study uses the methodology of V. N. Toporov, who singled out the following substratum elements of the local text based on the texts about Saint Petersburg: natural, material and cultural, spiritual and cultural, and historical spheres. The purpose of the work is to consider the multi-level image of Petrozavodsk based on these elements, but taking into account the regional specifics of the material. The principle of historicism lies at the basis of Viktor Pul’kin’s works. The writer relies on a variety of sources and creates an adequate picture of the city’s history. At the same time, the writer enriches the historical discourse with folklore motifs, and acts not only as a historian, but also as a myth maker, actively using images and motifs of legends and mythological stories. Recognizable elements of the urban landscape – gardens, parks, houses, streets, etc. – are reflected in his works. The writer describes physical sensations (colors, light or smell), highlights a significant time of day, and captures an emotional state – usually light sadness or nostalgia. Pul’kin creates multiple images of people who inhabited Petrozavodsk and shaped its modern appearance. The “Petersburg” inertia is also extremely important: Petrozavodsk seems to be somewhat of a “doppelganger” of Saint Petersburg. Substantial similarities between them are found in the creation myth. However, while texts about Petersburg contain eschatological expectations, texts about Petrozavodsk paint the “live” future, which Viktor Pul’kin associates with the “water of life”. The article suggests to discuss the concept of “Petrozavodsk text” in literature, with the possibility of considering Viktor Pulkin’s novels in this context.

Keywords: Viktor Pul’kin, local text, literature, folklore, mythology, local history, Petrozavodsk, Peter the Great

Acknowledgements. The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. The author expresses his sincere gratitude to N. L. Shilova, A. V. Pigin, I. I. Mullonen, D. V. Kuz’min, P. N. Solov’eva and N. V. Chikina for their numerous detailed consultations, friendly advice and research and organizational support.

For citation: Petrov, A. M. Diverse Petrozavodsk of Viktor Pul’kin: the issue of local text in Russian literature. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):29–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.654

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. Water. *Myths of the peoples of the world*. Moscow, 1991. P. 240. (In Russ.)
2. Verhogyadov, V. N. Petrozavodsk of Valeriy Verhogyadov: Notes of a local historian. Petrozavodsk, 2020. 320 p. (In Russ.)
3. Zhul’nikov, A. M., Spiridonov, A. M. Petrozavodsk antiquities. Petrozavodsk, 2003. 132 p. (In Russ.)
4. Kagarov, E. G. Mythological image of a tree growing with its roots up. *Proceedings of the USSR Academy of Sciences*. Series B. 1928;15:331–335. (In Russ.)
5. Krinichnaya, N. A. A tree-man: syncretism and differentiation of phytoanthropomorphic image (based on the materials of Karelian narrative folklore). *Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science*. 2010;4:77–85. (In Russ.)
6. Krinichnaya, N. A. Peasants and natural environment in the light of mythology. Bylichkas, byvalshchinas and folk beliefs of the Russian North: Research. Texts. Comments. Moscow, 2011. 632 p. (In Russ.)
7. Krinichnaya, N. A. Mythology of water and water bodies. Bylichkas, byvalshchinas, folk beliefs, cosmogonic and etiological stories of the Russian North: Research. Texts. Comments. Petrozavodsk, 2014. 390 p. (In Russ.)

8. Krinichanya, N. A. Russian mythology. World of folklore images. Moscow, 2004. 1008 p. (In Russ.)
9. Krinichnaya, N. A. Russian folk historical prose: issues of genesis and structure. Leningrad, 1987. 228 p. (In Russ.)
10. Krotov, P. A., Pashkov, A. M., Pigin, A. V. Peter the Great and Faddei the Blessed: from the history of Petrozavodsk pinafore stage of existence. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016;1(154):7–12. (In Russ.)
11. Kundozerova, M. V. The concept of universe in Karelian runes. Petrozavodsk, 2020. 232 p. (In Russ.)
12. Lantratova, A. S., Itsikson, E. E., Markovskaya, E. F., Kuspak, N. V. Gardens and parks in the history of Petrozavodsk. Petrozavodsk, 2003. 160 p. (In Russ.)
13. Likhachev, D. S. Poetry of gardens. The semantics of landscape gardening styles. Garden as text. Moscow, 1998. 356 p. (In Russ.)
14. Markova, E. I. Karelian text as a subject of study. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference "The First Moscow Antsiferov Readings"*. Moscow, 2012. P. 385–390. (In Russ.)
15. Mullonen, I. I. Essays on Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 154 p. (In Russ.)
16. Mullonen, I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 240 p. (In Russ.)
17. Pashkov, A. M., Filimonchik, S. N. Petrozavodsk. St. Petersburg, 2001. 127 p. (In Russ.)
18. Petrozavodsk: 300 years of history: Documents and materials. In three books. Book 1. 1703–1802. Petrozavodsk, 2001. 416 p. (In Russ.)
19. Petrozavodsk: Chronicle of three centuries. 1702–2003. (N. A. Korablev, V. G. Makurov, M. A. Mishenev, Yu. A. Savvateev, Eds.). Petrozavodsk, 2002. 512 p. (In Russ.)
20. Pomerantseva, E. V. Mythological characters in Russian folklore. Moscow, 1975. 191 p. (In Russ.)
21. Stolpyanskiy, P. N. Petersburg. How it came into being, was founded and developed. Petrograd, 1918. 376 p. (In Russ.)
22. Toporov, V. N. Petersburg text in Russian literature: Selected works. St. Petersburg, 2003. 616 p. (In Russ.)
23. Shilova, N. L. Kizhi text in Russian literature. *N. P. Antsiferov. Philology of the past and the future: Proceedings of the international research conference "The First Moscow Antsiferov Readings"*. Moscow, 2012. P. 391–395. (In Russ.)
24. Shilova, N. L. Kizhi Island and Russian literature. Petrozavodsk, 2018. 144 p. (In Russ.)
25. Shilova, N. L. Paustovsky and Prishvin minus a plant: short synopsis of the literary biography of Petrozavodsk. Available at: <https://gorky.media/autor/shilova/> (accessed 17.03.2021). (In Russ.)
26. Shilova, N. L. Petrozavodsk Station: the image of the city in Russian prose plots connected with Kizhi Island. *Readings on local history: Proceedings of the X research conference*. Petrozavodsk, 2016. P. 212–216. Available at: <http://library.karelia.ru/files/7533.pdf> (accessed 17.03.2021). (In Russ.)

Received: 1 March, 2021; accepted: 28 June, 2021